

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-859-873

EDN: CSLXNJ

УДК 811.161.1'373.49:070

Научная статья / Research article

К вопросу о механизмах грамматической реализации эвфемистического значения

О.С. Зубкова¹ , С.А. Логвина²

¹Курский государственный университет, *Курск, Российская Федерация*

²Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, *Симферополь, Российская Федерация*

 olgaz4@rambrer.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения особенностей деривативных преобразований, не соответствующих ритуально ожидаемым грамматическим механизмам (грамматической ошибки (несоответствия)) экспликации эвфемизма в языке (в частности, в медийном дискурсе), что имеет особую научную привлекательность в контексте анализа психолингвистического фактора (сбора данных), а также расширяет и углубляет существующие лингвистические концепции изучения эвфемизма. Цель статьи — описать некоторые психолингвистические особенности формирования эвфемизма путем наложения или сочленения разнотипных семантических композиций, имеющих разнящийся грамматический функционал. Для достижения сформулированной цели в статье были использованы следующие методы анализа: описательный с присущими ему приемами внешней и внутренней интерпретации, позволивший раскрыть структурно-содержательные признаки эвфемизма, инвентаризировать и систематизировать грамматически девиантные конструкции как одну из форм смысловой предикации, «высвечивающей» интенции говорящего при овнешнении эвфемизма; методы комплексного и контекстуально-семантического анализа способствовали изучению эвфемистических образований в аспекте текстового окружения и структурирования. Результаты проведенного анализа показывают, что формирование эвфемизма, который является продуктом языковой адаптации в обществе, ограничено приспособленческим поведением участников коммуникации, что прослеживается на этапе формирования незавершенной пропозиции, где очевидна компиляция разнотипных смыслов в форму когнитивной единичности, необходимой для появления эвфемистического значения. В контексте коммуникативного сотрудничества происходит ассимиляция социально-познавательных и языковых процессов, которые на синтаксическом уровне выражаются в выборе говорящего поступиться принципами грамматической точности в пользу семантической эффективности, что объективируется грамматической неточностью с одной стороны и единственно верным психолингвистическим решением с другой.

Ключевые слова: грамматическая девиантность, медийный дискурс, деривативный потенциал

© Зубкова О.С., Логвина С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 28.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: *Зубкова О.С., Логвина С.А. К вопросу о грамматической реализации эвфемистического значения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 859–873. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-859-873>*

On the Mechanisms of Grammatical Implementation of the Euphemistic Meaning

Olga S. Zubkova¹ , Svetlana A. Logvina²

¹Kursk State University, *Kursk, Russian Federation*

²V.I. Vernadsky Crimean Federal University, *Simferopol, Russian Federation*

✉ olgaz4@rambrer.ru

Abstract. The relevance of the work has been determined by the necessity to study the features of derivative transformations that do not correspond to the ritually expected grammatical mechanisms (grammar mistakes (inconsistency)) of the euphemism explication in the language (In media discourse, in particular), which has a peculiar scientific appeal in the context of the analysis of the psycholinguistic factor (data collection), and also expands and deepens the existing linguistic concepts of the euphemism study. The purpose of the article is to describe some of the psycholinguistic features of the euphemism formation through combining or overlapping of semantic combinations of different types with various grammatical functionality. To achieve the set goal, we have used the following methods: the descriptive method with its inherent techniques of external and internal interpretation, which made it possible to reveal the structural and content-related signs of euphemism, to locate and systematize grammatically deviant constructions as one of the forms of semantic predication, ‘highlighting’ the speaker’s intentions while exteriorizing euphemism; methods of complex and contextual-semantic analysis contributing to the study of euphemism formation in the aspect of textual environment and structuring. The findings of the conducted analysis reveal that the formation of a euphemism, which is a product of linguistic adaptation in society, is limited by the adaptive behavior of interlocutors, which can be traced at the stage of the formation of an unfinished proposition, where the compilation of different types of meanings into the form of cognitive singularity, which is necessary for the emergence of a euphemistic meaning, is obvious. Conclusion. In the context of communicative cooperation, there occurs assimilation of social-cognitive and linguistic processes, expressed at the syntactic level in the speaker’s choice to sacrifice the principles of grammatical accuracy in favor of semantic efficiency, which is objectified by grammatical inaccuracy on the one hand and the only correct psycholinguistic decision on the other.

Keywords: grammatical deviance, media discourse, derivative potential

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00141, implemented at St. Petersburg State University).

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Zubkova, O.S., & Logvina, S.A. (2025). On the Mechanisms of Grammatical Implementation of the Euphemistic meaning. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 859–873. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-859-873>

Введение

Деривативный потенциал эвфемизма — его структурные особенности (эвфемизм — единица вторичной или косвенной номинации [1]), семантические, морфологические и стилистические параметры — бесспорно, принадлежат к тем объектам, которые неоднократно были исследованы в лингвистике. Приданию значительной выразительности (актуальности) специфике производных преобразований эвфемизма поспособствовало его изучение с позиций приоритетного сейчас функционального направления, что позволяет охарактеризовать эвфемизм в соответствии с его проявлениями и реализацией в коммуникативном пространстве. Кроме того, в современной лингвистике очевидна ориентированность на новую базу источников, подобранную прежде всего из современного медиатекста. Именно медиа в наибольшей степени отражают эволюционно трансформационные изменения в жизни общества, в частности, в политической, экономической, социально-культурной и других сферах, трансформируя или создавая языковые знаки для точнейшей экспликации определенных предметов, событий, явлений, то есть всего того, что причисляют к внеязыковым факторам, влияющим на формирование эвфемизма. Руководствуясь тем, что любой лингвистический феномен можно описать в аспекте языковой и речевой парадигмы, склоняемся к необходимости сочетания этих двух принципов, среди которых приоритет предоставляется значительно более эффективной коммуникативной модели анализа. Указанный вектор анализа во многом подчеркивает ориентированность на новейший медийный дискурс как специфическое явление и основывается прежде всего на языковых и коммуникативно-прагматических параметрах с наложением эмоционально-экспрессивных оттенков и других стилистических и грамматических характеристик эвфемизма. Исходя из данных теоретических оснований, **цель статьи** видим в исследовании структурно-деривационных (грамматических) признаков эвфемизма как специфического компонента речевого поведения в медиакommunikации.

Методы и методики исследования

Для достижения сформулированной цели в статье были использованы следующие методы анализа: описательный с присущими ему приемами внешней и внутренней интерпретации, позволивший раскрыть структурно-содержательные признаки эвфемизма, инвентаризировать

и систематизировать грамматические девиантные конструкции как одну из форм смысловой предикации, «высвечивающей» интенции говорящего; метод комплексного анализа, содействовавший рассмотрению анализируемых компонентов на фоне лексико-семантического, морфемного, словообразовательного и стилистического уровней языка с акцентом на эмоциональном и экспрессивно-оценочном значении эвфемистических инноваций; метод контекстуально-семантического анализа, который способствовал изучению эвфемистических образований в аспекте текстового окружения и с большей вероятностью позволил определить их психолингвистическую специфику; методики компонентного анализа для исследования семных характеристик рассматриваемых языковых единиц (эвфемизмов).

Результаты и дискуссии

Современные эволюционные изменения, происходящие в языковой системе, коснулись также и деривативных механизмов формирования эвфемизма. Запечатленные в языковом пространстве грамматические транспозиции, лексико-семантическая переходность в контексте эвфемистических преобразований [2–3] стали объектом изучения представителей многих лингвистических направлений и были отражены в разножанровых научных трудах — монографиях, словарях, статьях, докладах и т.д. Обстоятельное описание лексических преобразований и инноваций, способствующих созданию эвфемизма, предложили В.П. Москвин, Л.В. Порохницкая, А.А. Реформатский и др. [4–8]; комплексную классификацию способов создания эвфемистического эффекта разработали Ю.С. Баскова и Г.А. Заварзина [9–10]; принципы фразеологизации грамматических структур эвфемизма обозначила М.Л. Ковшова [11]; проанализировали условия морфологической модификации нежелательной единицы исследователи Е.П. Сеничкина, Р. Рада и др. [12–13]; убедительную аргументацию специфики реализации смысла в рамках эвфемизма за счет механизмов расширения или сужения высказывания предложили К.В. Якушкина и А.Р. Дегтярева [14–15]. К выразительным средствам эвфемистических смыслов относят также морфологические единицы, которые формируют морфологию оценки как подразделение грамматики оценки [16–18], в которой грамматические единицы могут участвовать в моделировании механизмов с положительным и отрицательным значениями [19–21].

Вне всяких сомнений, все эти и многие другие труды дают четкое представление о различных семантических и структурно-деривационных признаках формирования эвфемизма, хотя и не исчерпывают весь объем актуализированной проблемы. Осознавая и положительно оценивая разнообразный по аспектам исследования лингвистический материал, считаем нужным подчеркнуть важность анализа представленных в медиатекстах эвфемистических вариаций, или, в терминах В.И. Карасика, «коммуникативные табу» [22. С. 41], нарушение которых порицается в лингвокультурном

сообществе. Весомость и необходимость их изучения связываем, прежде всего, с тем, что процесс языковой динамики является непрерывным и продуцирование новых эвфемистических единиц происходит постоянно, потому анализируемый в данной работе аспект не теряет актуальности.

Кроме того, следует указать еще на несколько важных аргументов, которые дают основания прибегнуть к описанию и анализу именно структурно-грамматических процессов вторичной номинации в контексте эвфемизма. Во-первых, грамматическая структура присутствует в каждом аспекте языка, обеспечивая связность элементов в тех или иных структурах, гарантируя их соответствие принятым нормам (правилам грамматики). В грамматическом строе разного рода изменения происходят достаточно медленно, обеспечивая тем самым преемственность норм, их системность и постоянную воспроизводимость. Грамматика в языковом пространстве анализирует широкий спектр направлений — это и теория предложения, и теория морфологических категорий, и теория функционально-семантических полей, и теория объективной грамматики и многое другое.

Во-вторых, современные грамматические параметры анализа языка в целом и каждого языкового явления в частности предусматривают и учитывают их (языковых явлений) коммуникативный потенциал. Другими словами, происходит учет и анализ психолингвистического компонента в контексте коммуникативной ситуации, что легло в основу антропоцентрической организации грамматической системы языка.

Последняя не отрицает достижений предыдущих лингвонаучных парадигм —элементно-таксономической (дососсюровской), системно-структурной (соссюровской), функционально-коммуникативной или функционально-когнитивной (постсоссюровской), к которым иногда добавляют сравнительно-историческую (Н.Ф. Алефиренко, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова и др.), — а наоборот, обобщая наработки предыдущих лингвистических парадигм, использует устоявшиеся модели и процедуры анализа языковых единиц с учетом их статусного измерения в реализации тех коммуникативных задач, которые актуализируются в соответствующей ситуации. Современная грамматика своими истоками обращается к фундаментальным концепциям В. Вундта [23], В. Гумбольдта [24], И.А. Бодуэна де Куртенэ [25], А. Поттебни [26] и других ученых, стремившихся объяснить природу влияния языковой стихии на человеческую личность, ее реализацию в языке [27]. Исследователи актуализировали проблему взаимодействия языка и личности, анализируя особенности влияния языка не только на отдельную личность, но и на национальный характер (взаимосвязь языка и культуры). Сформулированные принципы взаимодействия языка и национальной культуры легли в основу теории языковой личности и ассоциативной грамматики (М.М. Бахтин, Ю.Н. Караулов и др.). Именно поэтому во второй половине XX в. началось активное изучение проблематики речевых актов (Дж. Остин,

Дж. Сьорл и др.), с последующим выделением и дифференциацией их локутивной, илокутивной, перлокутивной силы. С опорой на эти и подобные теоретические знания учеными выделяются: прагматическая классификация типов предложения (Дж. Остин, Дж. Сёрл, Г.Г. Почепцов и др.), различные классификации речевых актов и жанров, коммуникативных жанров и др. Сюда же следует отнести попытки многих исследователей установить максимальную нагрузку дискурсивных слов (А.Н. Баранов, Г.Н. Манаенко, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина и др.) с учетом функционально-стилевой принадлежности текста, реализации соответствующей лексемой тех или иных коммуникативных интенций.

Приведенные выше аргументы обосновывают необходимость и важность исследования эвфемистических ново- и преобразований с позиций психолингвистики. Как известно, возникновение тех или иных лексических единиц в значительной степени спроектировано, прежде всего, социальными процессами. Поэтому влияние внешних факторов на языковую динамику неоспоримо.

Актуализируя проблематику языковой динамики и акцентируя внимание на функционально-грамматических механизмах формирования эвфемистического значения, в первую очередь, хочется выделить часто упоминаемые в контексте эвфемизма узуальные морфосинтаксические способы, рассмотренные через призму манипулятивного потенциала эвфемизма, а именно:

- *префиксация* представляет собой изменение морфологического уровня, при котором, однако, происходит не сколько внешнее, сколько внутреннее преобразование, за счет изменения содержания знака (от противного). Одно из ведущих мест в создании коммуникативных моделей занимают дериваты с префиксальными морфемами *псевдо-*, *квази-*, *лже-*, которые подчеркивают семантику неискренности, ирреальности, мнимости. Например:

(1) «Считается, что окончательное разделение астрономии и астрологии произошло в эпоху Возрождения (в XIV—XVI веках). Но впервые астрология будет названа *лженаукой* в начале XII века»¹.

(2) «Ситуация с признанием гомеопатии *лженаукой* привлекла внимание общественности как к самой теории многократно разбавленных растворов, так и к *лженаучным* учениям в общем»².

(3) «А авторы *псевдоисторического* фэнтези устроили себе уютненький постмодернизм, где можно населить любые исторические эпохи персонажами, сознание которых — смесь мышления инфантильного горожанина 21 века и убийцы из компьютерной игры, чтобы потом на протяжении трех, пяти или семи томов всячески забавляться с этими марионетками»³.

¹ Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/pod-maskoy-nauki-lzhenauchnye> (дата обращения: 01.12.2024).

² Режим доступа: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/pod-maskoy-nauki-lzhenauchnye> (дата обращения: 01.12.2024).

³ Режим доступа: <https://author.today/post/176229> (дата обращения: 01.12.2024).

(4) «Что такое психоакустика, чем она занимается и почему название этой науки звучит так **псевдонаучно?**»⁴.

Языковые единицы с таким модально-оценочным значением информируют о мошенничестве и мошенниках, различных негативных событиях и фактах в жизни общества. Как показывает корпус исследовательского материала, выработка эвфемизмов с помощью морфем *псевдо-*, *квази-*, *лже-*, кроме существительных, может быть связана и с другими частями речи, например, прилагательные и наречия;

- *номинализация*, т.е. замена личных форм глаголов их производными на *-ание*, *-ение*, *-ация*, обеспечивает снижение актуальности субъекта и «стирание» агенса того, о чем говорится, что придает процессу «безличную экзистенциональность» [28. С. 67], например:

(5) «Основанием для **госпитализации** в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, может быть также необходимость проведения психиатрической экспертизы»⁵;

- *имперсонализация* или «обезличивание» структур для создания абстрагированной и обобщенной косвенной характеристики субъекта, например:

(6) **Большинство** спокойно отказалось от своих прав и свобод⁶;

- *употребление пассивных структур* как один из приемов замещения субъекта действия и маскировки агента также способствует реализации тактики умолчания информации в эвфемистических целях, за счет синтаксического перераспределения компонентов высказывания:

(7) Прокопьева как журналистка, — это ее работа, — описала ситуацию об этом резонансном случае и изложила свое личное мнение. И не более того! Здесь нет состава преступления, и поэтому **вменяемая ей статья** — это статья сугубо за ее личное мнение, за профессиональную деятельность как журналиста⁷ и т.д.

Рассмотренные выше примеры относятся к свидетельствам нормативного употребления функционально-грамматических элементов формирования эвфемизма, активно рассматриваемых в научном сообществе. В контексте психолингвистического знания в рамках данной работы исследовательский интерес привлекает окказиональное (утилитарное) моделирование

⁴ Режим доступа: <https://ar-ar.facebook.com/onlinerby/posts/10153589262373506/> (дата обращения: 01.12.2024).

⁵ Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/9f113ebe2c9a61d9516aeb9050ea85d4f0fb0cb5/ (дата обращения: 01.12.2024).

⁶ Режим доступа: https://www.znak.com/2021-08-23/siloviki_zahvatili_vlast_v_rf_oppoziciyu_razgromili_a_nezavisimye_smi_intervyu (дата обращения: 01.12.2024).

⁷ Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/07/09/ugolovnaya_statya_za_lichnoe_mnenie (дата обращения: 01.12.2024).

эвфемизма как способа «смысловой предикации <...>, базирующегося на координативности социального опыта и когнитивного состояния, что позволяет создавать ментальные комбинации для индивидуализации используемых понятий / значений» [29. С. 89], которые с точки зрения грамматических соответствий могут считаться ошибочными. Поскольку то, что категоризировано и стандартизировано на поверхностном уровне как упорядоченное по формальным требованиям и общепринятым нормам, подвергается переосмыслению и кастомизации на коммуникативном или собственно-семантическом уровнях, где функционально нагруженными становятся различные ситуативные факторы (когнитивные импульсы в терминах О.С. Зубковой), различные стратегии и тактики. Фатичная функция в таком случае мотивирует видоизменение и самих морфологических форм, и их статуса в структуре предложения. В качестве примера рассмотрим ряд фрагментов интервью:

(8) действие было лучшее ... меня уговаривали следователи ...они приехали в больницу... э... **когда немножко в себя пришли после сотрясения, привели**, — сотрясение было очень сильным, и доктор села и сказала такую вещь: «Ян, тебя не били, тебя убивали!». Я услышала. Дальше подошли следователи, сказали: «Янка, надо написать заяв...», со мной очень по-человечески, это вот тот случай, когда все работало как надо. Закон работал. Вот в моем случае, да. Есть другие случаи, да?⁸.

В данном примере происходит наложение функциональных параметров (смещение синтаксических ролей), разнотипных высказываний, поскольку, формируя эвфемистическое выражение «*когда немножко в себя пришли после сотрясения, привели*» (вместо фиксации факта оказания первой медицинской помощи после побоев), говорящий комбинирует два высказывания: *прийти в себя* (восстановить свою способность ориентироваться, чувствовать (после обморока, контузии и т.п.; перестать волноваться, беспокоиться; успокоиться) и *привести кого-либо в чувство* (вывести из состояния растерянности или обморока). Также очевидным является наложение пассивного и активного залогов: начиная высказывание от первого лица в активном залоге, в процессе вербализации говорящий меняет высказывание и завершает его в пассивном залоге *привели*, так как ему (говорящему) важно было указать участие третьих лиц (а именно врачей). Присутствует также феномен имперсонализации, поскольку говорящий избегает указания агенса. Согласно грамматической логике, высказывание должно включать либо местоимение «я», например, *когда я немножко пришла в себя* или местоимение «меня» (в форме родительного падежа — интерферирующее влияние падежных форм), например, *когда меня немножко привели в себя*. Так, с точки зрения функциональной грамматики, данное высказывание содержит ряд ошибок, но с точки зрения психолингвистики оно (высказывание) раскрывает «репрезентативный потенциал

⁸ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=9QLVbmMbqqw> (дата обращения: 01.12.2024).

смысловой предикации» [29], которая является «не только одной из функций языковых выражений, но и элементом социальной детерминации, без которого невозможны эффективная социальная адаптация и интеграция» [29. С. 84]. Эвфемизм в контексте смысловой предикации является источником анализа психоэмоциональных состояний говорящего, определяющих его речевые интенции, влияющих на создание здесь и сейчас единственно верного варианта овнешнения (в данном случае — эвфемистического высказывания) внутренних процессов осмысления реальности, но иногда даже позволяет отследить альтернативный вариант развития хода мысли говорящего.

(9) *МЫ приняли решение ...эээ... то мне Оля сказала: «Свет, вот ты должна быть готова». Оля, которая к этому моменту уже прошла и проходила очень сложный процесс развода, расхода с отобранными, как мы знаем, детьми, которых она по сей день, К СОЖАЛЕНИЮ, не вернула, она мне сказала: «Свет, ну ты столкнешься с определенными трудностями. Тебе сейчас кажется, что тебе это не важно, но в какой-то момент ты поймешь, **что тебе это очень будет задевать и обидно...** вдруг тебя куда-то не приглашают, а вдруг тебя забыл кто-то с чем-то поздравить (касается носа)». Ты меня не оставила, при том, что ты и другие, и мои близкие подруги, но были примеры, когда вдруг я увидела, просто Роднянский, он самый такой очевидный и самый вот, вот вчера случилось. Поэтому, вот ЭТО меня расстроило⁹.*

Так же, как и в предыдущем примере, происходит наложение грамматически разнородных высказываний, а именно: *тебе это будет очень ...обидно и тебя это будет очень задевать*. В стремлении скрыть психоэмоциональное состояние обиды (негативной реакции на несправедливо причиненное огорчение, оскорбление) говорящий использует лексическую единицу с более широкой семантикой *задевать*, однако синтаксически этот элемент не имеет согласованности с целым предложением и грамматически выглядит ошибочным, в то время как психолингвистически этот значимый сегмент речемыслительного процесса позволяет отслеживать и анализировать «емкость референции с миграцией акцентов на стереотипные образные опоры» [29. С. 84].

Приведем еще ряд примеров, которые содержат грамматические ошибки, способные, по нашему мнению, продемонстрировать с точки зрения психолингвистики «полную модель речевого процесса, в равной мере пригодную для интерпретации отдельных сторон его и частных случаев» [30].

(10) *«Вы об этом говорили тоже (на терапии у врача)?» «Конечно. А самое главное, **вот это наше жесткость** (произносит четко и уделает взмах рукой), наши работающие женщины, когда наше время ограничено, нам мне всегда казалось, что Маруся должна делать так (условный шар руками держит), как кажется мне правильно. Да, то есть, как я делала, как ... это проблема отцов-детей всегда, да то есть это ... такой вот ...*

⁹ Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=noeOHm3j_K0 (дата обращения: 01.12.2024).

mmm ... скажем, не то, что я бы не уважала ее как личность, но мне казалось, что мой путь, он правильный»¹⁰.

Полагаем, что изначально предполагалось высказывание *вот это наше жесткое отношение*, но впоследствии говорящий изменил формулировку высказывания на *вот эта наша жестокость*. В то время, как *жесткое отношение* имеет непосредственную отсылку (семантическую близость) к *жесткому отношению*, которое обозначает *систематическое физическое и психологическое насилие над детьми со стороны родителей*, фактор, который имеет высокий порог осуждения в обществе, то *жесткость* — это лексическая единица с более широкой семантикой (способность тела или конструкции сопротивляться образованию деформации; а также стойкая уверенность в своей правоте и отказ изменить свое мнение). Поэтому, жесткость — это черта характера с неоднозначно негативной оценкой.

(11) *Я подходила, он лежал в реанимации в кювезе (показывает маленький предмет руками), я подходила, смотрела, но я его на руки ни разу не взяла. Просто я помню его лицо, конечно, так как я не спала вообще, я помню, я лежала и думаю, если я приду-маю молитву (возносит руку кверху), прочитаю ее 50 раз (пальцы левой руки собраны в пучок) (играет минорная музыка) ... я вот всей силой души верю, чтоооо ... (махнула рукой) Господь меня услышит (дрожь в голосе) и поможет (кивает головой, длительная пауза)...*¹¹.

(12) «Почему у Лолиты отдельный туалет?» «Ну ... **Я думаю, гигиена еще никто не отменял**. В общем, она девочка все-таки, ей хочется, да, чего-то домашнего ... ну, у каждого человека свои какие-то моменты». «А какие еще есть моменты у Лолиты, которые отдельно от вас? Расскажите». «Ну, она не ходит на завтраки в гостинице»¹².

Состоит из двух высказываний: я думаю, гигиена еще никому не повредила, и я думаю, что гигиену еще никто не отменял.

(13) «Лола, а ты с ним разговаривала после этого?» «Нееет. Ты что? Я сразу заблокировала и все (вм. прекратила любые контакты). **Это такой человек для меня, нет**. Он для меня умер сразу». «Мне просто всегда, когда ты мне рассказываешь эту историю, я не понимаю, что чувствует человек, который подсунул таблеточки (вм. ядовитое вещество)?»¹³.

Предполагаем, что в данной формулировке соединились два вектора развития мысли: *это такой человек, который для меня умер и такого человека для меня больше не существует*. Глубокое эмоциональное потрясение влияет на ход мысли говорящего и, как следствие, на результат выбора элементов,

¹⁰ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hFQihQVpo-A> (дата обращения: 01.12.2024).

¹¹ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=lcTDiEWkbj8> (дата обращения: 01.12.2024).

¹² Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AtYJc2WS328> (дата обращения: 01.12.2024).

¹³ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AtYJc2WS328-18:57> (дата обращения: 01.12.2024).

пригодных к вербализации, что и выражается в грамматической неточности. Гипотетико-дедуктивные рассуждения и установление абстрактных связей приводят нас к специфичной согласованности признаков, распознаваемых вне зависимости от их грамматической валидности.

(14) *В этом отношении ... можно представить, когда для человека не антропоцентрическая психология, когда в центре сам человек, а, например, поглощение какого-то продукта определенного цвета, вдруг это становится в центре внимания и вокруг этого пустяшного момента, **который и заметить-то можно никак**, возникает целая структура сверхценной идеи, концепции о том, что вот зеленые продукты вот это, а желтые продукты вот это*¹⁴.

«На этапе формирования незавершенной пропозиции очевидна компиляция смыслов в форму когнитивной единичности необходимой для появления значения» [29. С. 88]. Среди имеющихся морфологических и / или синтаксических форм адресант выбирает ту, которая, на его взгляд, наиболее исчерпывающе соответствует содержанию плоскости ситуации и передает коммуникативные интенции. Основной задачей адресанта является не только конструирование предложения как уровневой единицы языка, но и наполнение его необходимой информацией, которая корректным образом способна овнешнить его внутреннее состояние. О.С. Зубкова выражает усвою убежденность в том, что «репрезентация смысловой предикации <...> ограничена приспособительным поведением участников <...> коммуникации и их социальным позиционированием [29. С. 84], поэтому индивидуальные страхи, комплексы, надежды, разочарования — это те главные психологические особенности, которые формируют коннотативный аспект эвфемистического значения, что в дальнейшем становится вербальным оружием в социально-коммуникативном противостоянии индивида. Речеповеденческие факторы определяют актуализацию ситуативно-коммуникативных задач и влияют на механизмы линейной реализации синтаксических позиций внутри предложения (аккомодация и ассимиляция грамматических процессов), их взаимодействие и взаимообусловленность в их многочисленном разнообразии.

Заключение

Резюмируя результаты данного исследования, приходим к выводам, что несмотря на значительное количество примеров, данная выборка не позволяет утверждать, что это распространенное и часто встречающееся явление, поскольку эмпирический этап нашего исследования еще не закончен и мы не можем говорить с уверенностью о процентном соотношении. Эвфемизм, являясь продуктом как языковой адаптации в обществе, так и взаимодействия

¹⁴ Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=QL5hmFXNzJY> — 39:10 (дата обращения: 01.12.2024).

с обществом, динамически отражает фатическую функцию языка и несет в себе спектр социальных и культурных коннотаций, которые затрагивают все аспекты общественной жизни. Эвфемизм использует «в своих интересах» нечеткость языка (девиантность грамматических форм), чтобы примирить противоречия в социальных и межличностных отношениях, в то время как приоритетность грамматической или смысловой корректности определяется принципами, которыми руководствуется говорящий (информативность, убедительность, доступность, простота формы изложения и т.д.), и ориентируется при этом на социальную оценочность, экспрессивность, эмоциональность, образность и т.д. Предлагая к восприятию определенную информацию и условно производя новые элементы эвфемистической номинации, автор поступается принципами грамматической точности в пользу семантической эффективности.

Список литературы

1. *Алексикова Ю.В.* Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3(24). С. 126–132. EDN: UEPYMJ
2. *Никитина И.Н.* Эвфемия в зарубежной и отечественной лингвистике: история вопроса и перспектива исследования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 1. С. 49–64. EDN: PCUAJX
3. *Зверева М.И.* История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–4(78). С. 86–90. EDN: ZWUSJP
4. *Порохницкая Л.В.* Концептуальные модели в семантике эвфемизма. М. : Московский государственный лингвистический университет, 2018. EDN: YLCWXJ
5. *Москвин В.П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград : Перемена, 1999. EDN: TVGGNJ
6. *Реформатский А.А.* Табу и эвфемизмы // Введение в языковедение. М. : Аспект Пресс, 1996. С. 56–57.
7. *Иванян Е.П., Кудлинская Х., Никитина И.Н.* Деликатная тема на разных языках. Самара : Инсома-пресс, 2012. EDN: QXENJZ
8. *Уварова Е.А.* Семантический механизм эвфемизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 452–460. EDN: NDMEXT
9. *Баскова Ю.С.* Манипуляция в языке СМИ: эвфемизмы как «слова-прикрытия». Краснодар : Кубанский социально-экономический институт, 2009. EDN: LRFOED
10. *Заварзина Г.А.* Эвфемизмы как проявление политической корректности // Русская речь. 2006. № 2. С. 54–57. EDN: HTPEMR
11. *Ковшиова М.Л.* Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35–48. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-4-35-48> EDN: EMPHEI
12. *Сеничкина Е.П.* Эвфемизмы русского языка. М. : Высшая школа, 2006. EDN: UVTHCP
13. *Rada R.* Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen. Budapest, 2001.

14. Якушкина К.В. Прагмалингвистический аспект эвфемии в свете явления языковой компрессии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 2–2. С. 292–296. EDN: RUBGFF
15. Дегтярева А.Р. Экспериментальная верификация перлокутивной силы функциональных типов эвфемизмов современного русского языка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 12–2. С. 232–236. EDN: UCALNX
16. Халиман О.В. Грамматика оценки: диминутивные глагольные формы как средства выражения оценочных значений в современном украинском языке // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2014. № 1(171). С. 43–48. EDN: ZEFPRX
17. Серебренников Б.А. Языковая номинация (Общие вопросы). М. : Наука, 1977.
18. Торопкина В.А. Эвфемизмы как средство выражения негативной оценки в СМИ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 569–573. EDN: UOGZWN
19. Болотнова Н.С. Эвфемизация в современном употреблении и языковая компетентность личности // Языковая компетенция: грамматика и словарь. Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 1998. С. 19–23. EDN: WJHFN
20. Киквидзе З.З. Социоллингвистический аспект изучения грамматического эвфемизма в разнотипных языках // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Тюмень : Изд-во ТГУ, 1997. С. 38–42.
21. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка. М., 2002. EDN: QRLSNJ
22. Карасик В.И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. EDN: UGQXUT
23. Wundt W. *Volkerpsychologie*. Leipzig : Verlag von Wilhelm Engelmann, 1911.
24. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.
25. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1.
26. Потемня А.А. Из записок о русской грамматике. М. : Учпедгиз, 1958. Т. 1–2.
27. Heidegger M. *Was heißt Denken?* Tübingen : Max Niemeyer, 1954.
28. Куликова Э.Г., Саватеева Л.В. Коммуникативная стратегия эвфемизации: когнитивная и лингвистическая сущность // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2008. № 1. С. 66–73. EDN: JHPNQK
29. Зубкова О.С. Репрезентация смысловой предикации в медицинском дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4(39). С. 83–90. EDN: ZJYXXB
30. Авдеева Н.Н., Анцыферова Л.И., Арсеньев А.С., Асеев В.Г., Асмолов А.Г., Ахутина Т.В., и др. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М. : АСТ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009.

References

1. Aleksikova, Yu.V. (2010). Cognitive Bases of Euphemism Formation in the English Language. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3(24), 126–132. (In Russ.). EDN: UEPYMJ
2. Nikitina, I.N. (2009). Euphemia In Foreign and Domestic Linguistics: the History of the Issue and the Prospect of Research. *Vestnik Volzhskogo Universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 1, 49–64. (In Russ.). EDN: PCUAJX
3. Zvereva, M.I. (2017). History of the Study of Euphemisms in Domestic and Foreign Linguistics. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12–4(78), 86–90. (In Russ.). EDN: ZWUSJP
4. Porokhnitskaya, L.V. (2018). *Conceptual Models in the Semantics of Euphemism*. Moscow: Moscow State Linguistic University publ. (In Russ.). EDN: YLCWXJ

5. Moskvina, V.P. (1999). *Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language*. Volgograd: Volgograd State Pedagogical University Peremena publ. (In Russ.). EDN: TVGGNJ
6. Reformatsky, A.A. (1996). Taboos and Euphemisms. In: *Introduction to Linguistics* (pp. 56–57). Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
7. Ivanyan, E.P., Kudlinskaya, H., & Nikitina, I.N. (2012). *A Delicate Topic in Different Languages*. Samara: Insoma-press publ. (In Russ.). EDN: QXEHJZ
8. Uvarova, E.A. (2010). Semantic Mechanism of Euphemization. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2, 452–460. (In Russ.). EDN: NDMEXT
9. Baskova, Yu.S. (2009). *Manipulation in the Language of the Media: Euphemisms as “Cover Words”*. Krasnodar: Kuban Socio-Economic Institute publ. (In Russ.). EDN: LRFOED
10. Zavarzina, G.A. (2006). Euphemisms as a Manifestation of Political Correctness. *Russian Speech*, 2, 54–57. (In Russ.). EDN: HTPEMR
11. Kovshova, M.L. (2019). Euphemisms and Phraseological Units: Frozen Structures from the Standpoint of Euphemisation. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 35–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-4-35-48> EDN: EMPHEI
12. Senichkina, E.P. (2006). *Euphemisms of the Russian Language*. Moscow: Vysshaya Shkola publ. (In Russ.). EDN: UVTHCP
13. Rada, R. (2001). *Tabus und Euphemismen in der deutschen Gegenwartssprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Eigenschaften von Euphemismen*. Budapest. (In German).
14. Yakushkina, K.V. (2007). Pragmalinguistic Aspect of Euphemy in Terms of Speech Compression Mechanism. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2–2, 292–296. (In Russ.). EDN: RUBGFF
15. Degtyaryova, A.R. (2014). Experimental Verification of Perlokutivny Force of Functional Types of Euphemisms Modern Russian. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 12–2, 232–236. (In Russ.). EDN: UCALNX
16. Khaliman, O.V. (2014). Grammar Assessment: Diminutive Verb Forms as Means of Expression of Estimates in Modern Ukrainian Language. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology. Pedagogy. Psychology*, 1(171), 43–48. (In Russ.). EDN: ZEFPRX
17. Serebrennikov, B.A. (1977). *Language nomination (General questions)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Toropkina, V.A. (2015). Euphemisms as Means of Expression of Negative Evaluation in the Media Texts. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2(2), 569–573. (In Russ.). EDN: UOGZWH
19. Bolotnova, N.S. (1998). Euphemization in Modern Usage and Linguistic Competence of the Individual. In: *Language Competence: Grammar and Vocabulary* (pp. 19–23). Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: WJIHFN
20. Kikvidze, Z.Z. (1997). Sociolinguistic Aspect of the Study of Grammatical Euphemism in Multi-System Languages. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki* (pp. 38–42). Tyumen: Tyumen State Univerisyt publ. (In Russ.). EDN: QRLSNJ
21. Firsova, N.M. (2002). *Grammatical Stylistics of the Modern Spanish language*. Moscow: Vysshaya Shkola publ. (In Russ.). EDN: QRLSNJ
22. Karasik, V.I. (2002). *Language of Social Status*. Moscow: Gnosis publ. (In Russ.). EDN: UGQXUT
23. Wundt, W. (1911). *Volkerpsychologie*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann. (In German).
24. Humboldt, W. von. (1984). *The Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
25. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *The Selected Works on General Linguistics*. Moscow: The USSR Academy of Sciences publ. Vol. 1. (In Russ.).
26. Potebnaya, A.A. (1958). *From the Notes on Russian Grammar*. Moscow: Uchpedgiz. Vol. 1. —2. (In Russ.).

27. Heidegger, M. (1954). *Was heißt Denken?* Tübingen: Max Niemeyer. (In German).
28. Kulikova, E.G., & Savateeva, L.V. (2008). Communicative Strategy of Euphemization: Cognitive and Linguistic Essence. *Vestnik Taganrofskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 1, 66–73. (In Russ.). EDN: JHPNQK
29. Zubkova, O.S. (2020). Representation of Semantic Predication in Medical Discourse. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 4(39), 83–90. (In Russ.). EDN: ZJYXXB
30. Avdeeva, N.N., Antsyferova, L.I., Arsen'ev, A.S., Aseev, V.G. et al. (2009). *Big Psychological Dictionary*, B.G. Meshcheryakov, V.P. Zinchenko (eds.). Moscow: AST; Saint-Petersburg: Praim-Evroznak. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Логвина Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (295033, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4); *научные интересы*: семиотика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: svet.logvina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4086-9707, SPIN-код: 1928-3158, AuthorID: 891724.

Зубкова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, филологический факультет, Курский государственный университет (305000, Российская Федерация, г. Курск, ул. Радищева, д. 33); *научные интересы*: семиотика, прагмалингвистика, когнитивная лингвистика; *e-mail*: olgaz4@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3900-321X, SPIN-код: 3627-2108, AuthorID: 328418.

Information about the authors:

Svetlana A. Logvina, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Languages 4, Institute of Foreign Philology; V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Academy Vernadsky avenue, Simferopol, Russian Federation, 295033); *Research interests*: semiotics, pragmatic linguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: svet.logvina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4086-9707, SPIN-code: 1928-3158, AuthorID: 891724.

Olga S. Zubkova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Faculty of Philology, Kursk State University (33, Radishcheva str., Kursk, Russian Federation, 305000); *Research interests*: semiotics, pragmatic linguistics, cognitive linguistics; *e-mail*: olgaz4@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3900-321X, SPIN-code: 3627-2108, AuthorID: 328418.